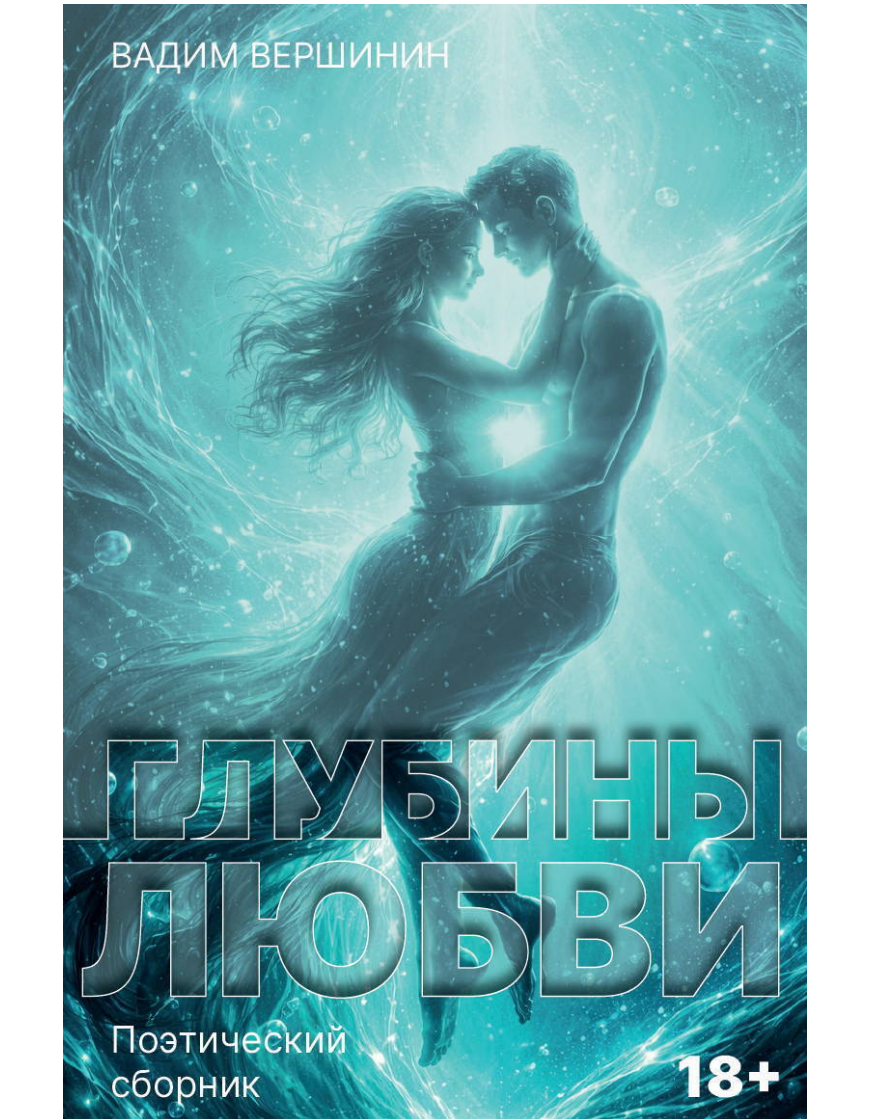

ВАДИМ ВЕРШИНИН

ГЛУБИНЫ ЛЮБВИ

Поэтический
сборник

18+

Вадим Владимирович Вершинин

Глубины любви

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74226161
ISBN 978-5-908132-59-6

Аннотация

Океан любви на первый взгляд безбрежен и романтичен. Мы входим в него неопытными и наивными молодыми людьми, взволнованно вглядываясь в далёкую полосу туч на горизонте: по чью душу? Каждый прожитый день приносит нам крупницы любовного и семейного опыта. Достигнув духовной, умственной и психологической зрелости, с грустью оглядываемся на берег, от которого когда-то отплыли. Глубины любви таят в себе не только головокружительную сладость, но и столкновение характеров, и горечь непонимания, и тоску разочарования, и желание начать всё с чистого листа. Человек существует по канонам, написанным обстоятельствами, а живёт чувствами. Река любви несёт нас одними и теми же стремнинами к одним и тем же омутам и водопадам.

Содержание

Одиночество	6
Выбор	8
Бесконечность	9
Когда играют скрипки в унисон	11
Черёмуха	14
Бег	16
Прости...	18
Бабье лето	21
Чайная роза	22
Не буди меня, мама	24
Муха	30
Нетопырь	32
Лисица луна	34
Глубина	36
Осколки	37
Дорога в облака	40
Тоскливо	42
Покой	43
Зов прошлого	45
Омут	51
Надежда	54
Подумай	57
Цветы	59

Стрелы Амура	60
За горизонт	64
На языке	66
Девчонка	67
Равновесие	69
Окоп	70
Серая мышка	71
Осенняя грусть	72
Снова в путь	73
Вера	75
Одинокая любовь	76
Я такая	78
Параллельные миры	81
Кислинка	84
Печаль	86
Романтики	88
По заливным лугам тоски	90
Джоконда – анаконда	96
Поссорилась с мужем жена	97
Тёщей по свекрови	101
Наша слабость – в нашей силе	103
Гришка Отрепьев	105
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Вадим Вершинин

Глубины любви

© В. Вершинин, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

* * *

Одиночество

В городе лето, на сердце – зима.
Бредёшь по проспекту: машины, дома.
Привычные тени из царства тоски:
Обрывки, отрывки, лоскутья, мазки.
Отвергнуто тело редактором жизни.
Подруги твердят твердолобо: «Не кисни...»
Им верить легко в безупречных мужчин,
Когда есть под боком хотя бы один.
Свернула в проулок, ушла от улыбок,
Дворами брела с тяжкой ношей ошибок.
И окна слепые глядели ей вслед,
Чернея тоскливо и щурясь на свет.
А в небе вечернем грустят облака.
Печаль их безбрежная так глубока!
И сумерки ставят отверженным метки,
Привычно гоня их в унылые клетки.
Как саван, белеет сквозь ночь потолок.
За дверью спешат по ступеням соседи.
Сознание просит нажать на курок –
Шумят за стеной непослушные дети.
А где-то такой же скиталец не спит
И душу смурную в потёмках морозит.
И сердце его так призывно болит,

Что он об одном провидение просит...

2007 г.

Выбор

С утра заморосило, а вечером – мороз.
Ах, как меня носило по гололёду слёз!
Сознанием упирался, лицом давал отказ,
Но всякий раз сдавался под залпом женских фраз:
«Мужик силён не волей, а глубиной души.
Не принимай решение, подумай, не спеши...»
Я оставался дома, опять стонал в ночи,
А самому хотелось – с небес на кирпичи...

2007 г.

Бесконечность

Небо текло, как река, в бесконечность,
Вдаль унося и часы, и века;
С ним утекала в бессмертие вечность,
Ветром гоня к берегам облака.
Укрыты луга темнотой, как рогожей.
Звёзды – порошей в игривых глазах.
Запах волос будоражил до дрожи,
Таяли снегом слова на губах.
Тихая музыка – лёгкой завесой,
Я улыбаюсь себе: ловелас...
Ты ворвалась в мой покой «Марсельезой»,
Омутом синих пленяющих глаз.

Лунной дорожкой вода серебрится,
Ночка прозрачна, как горный ручей.
Сердце парит и поёт, словно птица:
Из дому гонит влюблённость взашей.

Утро отшлёпает, даст подзатыльник.
Каждый привычно – своей стороной.
Дома разбудит трезвоном будильник,
Окна завесив закатной зарёй.

2007 г.

Когда играют скрипки в унисон

Откуда ты пришла, любовь?
И отчего в груди так замирает сердце,
Живей бежит по венам кровь,
А нервы будто в жгучем перце?

Ты неба дочь иль призрак преисподней?
Сведёт с ума твоё игривое кокетство.
С тобой не ждём мы милости Господней,
А разум каждый раз впадает в детство.
Похожа ты на сладостную блажь,
В которой так и тянет утопиться.
И остаётся горестно кривиться,
Когда умнеем мы, как повзрослевший паж.
Терзать любовь, жечь под дождём костёр,
Дуть на огонь, подкладывать дровишки, —
Всё бесполезно, её разум стёр,
Словно транжира деньги со сберкнижки.
И только родственные души
И пониманье тихое друг друга
Способны уберечь любовь от стужи
И вывести из замкнутого круга.
Когда играют скрипки в унисон,
Когда внутри предвестники покоя,

Когда не убегает от раздумий сон,
Знай – это сотворили двое.
А расстаёмся мы, когда темно,
Когда ни зги не видно в наших чувствах.
Когда глядит вопрос в окно:
Для той ли преуспел в искусствах?
Сомнения разъедают изнутри
И разум заставляют раздвоиться.
Горят во снах, как вежи, фонари,
Кружит бессонница, как раненая птица...
Любовь не костёр, как её сохранить?
В аптечке порыться, поймать неотложку?
Кого нам за боль расставанья винить?
Судьбу, обстоятельства, чёрную кошку?
Ответ утонул в городской суете.
Бегут от себя муравьи – человечки.
Нас всех воспитали в едином гурте,
Мечты превратив в поминальные свечи.
Повсюду ковры облетевшей листвы.
Спешат по дорогам куда-то машины.
А чувства остыли, завяли, мертвы:
Слепили любовь из рассыпчатой глины.

Ржавеют решётки семейной тюрьмы
И срок заключения расписан как план.
На нарах сидят и тупеют умы,

Пытаясь разжать надоевший капкан.

Кривятся растерянно рты в листопады.

Куда бы податься? И где бы пропасть?

Любовь раздаёт поначалу награды,

А после оскалит бездонную пасть.

2007 г.

Черёмуха

Ты терпкою черёмухой
Была в тот год для нас.
Тобою любовались,
Не отводили глаз.
По-своему влюблённым
В тебя был даже я,
Ведь чувствам не помеха
Ни дети, ни семья.
Промчатся годы-птицы,
Побелят нам виски,
И по ночам мы станем
Вить волком от тоски.
Ах, где же эти годы?
Где этот дух морской,
Когда волна качала
Нас ласково, с душой?
Кричали в небе чайки,
И чист был горизонт.
Девчат-студенток стайки
Шли дружно, как на фронт.
Теперь другие нравы,
Не жизнь – за упокой.
А я тебя запомнил

Не нынешней, а той.
Как навзничь ты лежала
И, заломивши руки,
Безмолвно горевала
В стальных тисках разлуки.
Как я сидел тихонько
В звенящей тишине
И гладил твои волосы —
Всё было как во сне.
И пахли они морем,
И дамским табаком,
И женским чистым горем
От дружбы с моряком.
Теперь уж и не вспомнить,
Какой был день недели.
А обернёшься — боже,
Как годы пролетели...

2007 г.

Бег

Когда устал без доброты,
Когда так хочется везенья,
Я вспоминаю, что есть ты –
Та, что дарила наслажденье.
И вновь бегу от тишины,
Где мрачных мыслей душный голод.
И снова рядом только ты –
И отступает лютый холод.
Ты в сердце – капелькой весны.
Ты распускаешься в нём почкой.
И я лечу вниз с высоты
Неясной и размытой точкой.
Я завтра поднимусь опять
До суеты привычных будней
И снова буду дома спать,
Хотя с тобой и сон уютней.
Ты подарила мне себя,
Пришла нехоженой тропой.
По ней бродил безмолвно я,
Грустя, поникнув головой.
Вдруг подхватило, понесло,
Как ветер с поля в сумрак чащи,
И вопреки – видать, назло –

Проникло солнце в дом пропащий.
Пусть редок тот водоворот,
Где глубока пучина страсти,
Но лучше миг такой напасти,
Чем цепь стальная у ворот.
Ошейник строгости заветной
Не давит – позволяет быть.
Но как порою предрассветной
От безысходности не выть?
На карусели дни и ночи,
И точат нашу жизнь года.
И я живу промеж всех прочих –
По расписанию поезда.
Увяз я по уши в трясине.
Уют купейный, как везде.
А счастье было на дрезине:
И где-то рядом, и нигде...

2007 г.

Прости...

Ты распустила волосы и протянула руки,
А я стоял как истукан, испытывая муки.
Но мягкий полусвет чужого ночника
Мне подмигнул: «Шагни в века...»
А твои руки ближе, ближе...
Загар пленит округлых плеч...
Жаль, мы с тобою не в Париже –
Пучине сладко-пьяных встреч...

Скользнули оба на кровать –
Я продолжаю горевать.
Ты заглянула мне в глаза:
Там неба высь и бирюза.
И всполохи ночной грозы
Блеснули в зеркале слезы.
Я хороню свои мечты –
О чистоте души и тела
И обхожу, как вор, посты:
Ползком, крадучись, неумело...

Вот-вот – и дождик проливной
Объединит нас в громкий бой.
Ознобом дробным наготы

Разрушит к прошлому мосты.
Я прогоняю искушение,
Шепчу: «Домой... домой... домой...»
Как пересилить зов мгновенья
Под тихой сводницей – луной?
Подводит голос – раб наречий,
Он обречённый и чужой,
И задувает страстью свечи,
И говорит: «Дурак, постой...
Ведь дом твой там, где ты нагой...»

Повеяло вдруг горными цветами...
Слились мы и охрипли голосами.
И, волосами выстилая путь,
Ты жарко целовала мою грудь.
И уносились ввысь качели,
Летели мимо облака...
Кружилась ночь на карусели.
Ах, как она была сладка!

И я взмывал, и ты парила...
В губах полынь ты растворила,
Целуя страстно, нежно, мило...
Искрилась выпитым вином.
Шептала: «Мы опять вдвоём...»
И я скользил по склону страсти –

По юной девичьей груди.
А впереди – рядком – напасти
И это вечное: «Прости...»

И осень жухлая дождями
Пойдёт по лужам горевать
И говорить: «Уйми-ка страсти,
Весну не суждено нагнать...»
Но это там, за перевалом,
Где мудрость лет сокрыта в малом,
А я сейчас в десятом сне,
И шаг широк, и грудь в огне,
И мой цветок в твоём окне
Лишь распустился цветом алым.
И я тянусь душой к весне,
Как паж, пьянённый жарким балом.
Томлюсь от выстраданной неги,
Топлю свои же корабли,
И чувства омуты и реки
Несут всё дальше от земли...

Но летний дождь не только радость,
Предвестник он осенней мороси.
Идём мы к ней сквозь грех и сладость,
Теряя зёрна жизни в колосе.

Бабье лето

Как ярко нынче светит солнце,
Хоть хороводят облака.
А над предгорьями оконце,
Жара приятна и легка.
Нам дарит север смуглость кожи,
Мы не сгораем в пепел, нет.
Загар на юге из рогожи,
А наш из бронзы – не секрет.
Наполнен воздух разнотравьем,
Пронзён покоем, тишиной
И запоздалым летом бабьим –
Любовью поздней и шальной...

2007 г.

Чайная роза

Её я встретил поутру.
Была та встреча не случайной.
Ромашки нам не по нутру –
Ждём столкновенья с розой чайной.

Ты улыбалась, как ребёнок,
Наивно ширила глаза,
Ластилась нежно, как цыплёнок,
Цепляла душу, как слеза.

Попал в тенёта, как мальчишка.
Ступил на край, пошёл ко дну.
Мне не нужна другая книжка –
Хочу читать её одну.

Околдовался бездной шарма
И усыпил снотворным волю.
С укором смотрит в душу карма,
В ней вижу плачущую Трою.

Теперь я знаю наизусть
Изгибы плеч, округлость бёдер.
Ей неохота? Ну и пусть...

Пусты нутра любовных вёдер.

Испито таинство до дна,
И скука серая видна.
Не оттого ль на сердце грусть,
Что позабыто: я добыюсь!

Покой нам, видно, только снится,
А наяву – вся жизнь скандал.
Когда наскучила синица,
Гуляет даже аксакал.

2007 г.

Не буди меня, мама

А утром так не хочется вставать,
Но будит всё настойчивее мать.
И ей одной со склона лет видней,
Какая на душе у дочки тень.
Проснулась... и, спустив с кровати ноги,
Надела тапки – им неведомы дороги –
Они до душа да до кухни ходоки:
Растоптаны, приятны и мягки.
Дошла до ванной и подставилась под воду...
Тепло, словно в хорошую погоду.
Глазами ищешь пудру, бигуди,
А в зеркале совет: сердечко разбуди.
Халат на тело – пока не ошалела...
Мало ли какие мысли
За ночь в голове прокисли.
Простокваша и кефир...
На столе грустит зефир.
Надкусила – располнела,
Подурнела голосом.
Не заменишь моцареллу
Скромным хлебным колосом.

Ходит по квадратам кухни

Среди вкусных пирогов:
«Мама, мама... хоть опухни...
Не могла созвать врагов?
Помогли б остаться стройной
Молодой корове дойной...»

И почти уж собралась, и надела босоножки,
Но застыла у трюмо, как голодный возле плошки.
В спальню, к зеркалу – мазки...
Гаснут всполохи тоски.
Довела свой лик до хвори.
Веки – атомные зори,
Пудра – что весенний снег...
Хороша... ускорим бег...
Вот и офис – в нём коллеги,
Сплошь душевные калеки,
Платят дань своим столам,
Подчинившись им навеки,
В мир неся тоску и хлам.
Выпив кофе, завертелась,
Зажурчала, потекла.
Мимоходом огляделась:
Нет, кругом всё та же мгла...
И – дела, дела, дела...
Суета, доклад, доносы,
Чьи-то мысли, дурость, грёзы...

Всё смешалось в дикой пляске:
Едут под гору салазки...
Смотрит искоса товарищ,
Ищет проблеск красоты
Среди тысячи пожарищ
Сгоревшей заживо мечты.
Не нашёл и сдался... крах...
Сосед стаканом об пол – трах!
Поборола наважденье,
Отвела тоскливый взор.
Дней печальное круженье
Как бессмысленный дозор.
Никого и ничего...
Всё как и прежде, как всегда.
Послал бы Бог хоть одного –
Чтобы сказал с улыбкой «да».
Какие дьявольские лица:
Все предлагают утопиться.
А сами в левом переулке
Чужие ищут закоулки.
Как пытка тянутся года,
Когда извечная среда,
И, лёжа в холоде постели,
Клянёшь февральские метели.
Ах, как бы мартовских котов
Впустить под своды скучных снов.

Ох, как же, люди, надоело
Целый день сидеть без дела...
Напечатала бумажки,
А душа желает сказки,
Оттянуться, впасть в экстаз,
Уползти в греховный лаз.
Гонишь дурь из головы:
Всё от «похудей-травы».
Дотянула до обеда,
Куснула булку у соседа,
Выпила чайку с печеньем,
Заела грусть густым вареньем,
Принесённым год назад.
Кто принёс? А-а-а... вон он, гад...
Пропорхнула меж столами
И жующими телами.
И – опять за свой компьютер.
Где же бродит счастье, mutter?..
Сидит женатик у окошка
И взглядом въётся, словно мошка.
Помоги мне, друг Вольтер,
Склонить его на адюльтер...
День пролетел, как все иные,
Хотя тянулся, как обоз.
Презрев свершения простые,
Угас он средь увядших роз.

Эх, непроглядная трясина!
А скоро жизни половина...
Ну вот и вечер, слава богу!
Попутчик ветер на подмогу
Летит с хмельною головой:
Домой... по улицам... одной...
За шторы норки, за засов –
Ведь там не важен цвет трусов.
Одеждой соришь по квартире.
Одна – в постели, в жизни, в мире.
Под струи: тело, душу, грусть...
Халат и тапочки – Есфири!
Усмешкой кислой – ну и пусть –
Поставишь точку в прежнем стиле...
Включаешь пультом телевизор.
Ведь он и доктор, и провизор:
Лекарство от заевших снов
И основание всех основ.
И какофония, как мгла,
Вползает в души и дома...
Ну вот и полночь... И луна...
Измяв упрямую подушку,
Уселась за столом одна,
Наливши чай в подружку кружку.
Уставившись на тёмное пятно,
Соткала мыслей грустных полотно.

Сидишь... бесцельно цедишь-пьёшь –
Тушишь умственный галдёж...

Вот и смятая постель –
Спать ложится коростель.
В голове и то, и это.
Чья-то проза, крик поэта.
Всё мелькает каруселью.
Налетает сон метелью.
Провалилась в темноту,
Уснув в горячечном поту...
Кто-то плыл перед глазами,
То ль с венцом, то ли с рогами...
Жаль, не успела разобрать:
Разбудила утром мать.
Ещё один ненужный день,
А вместо жизни – её тень.
Ах, как не хочется вставать!
Захотелось захворать...

2007 г.

Муха

Какая муха нас кусает?
Что тянет в омут с головой?
Чего нам в жизни не хватает,
Когда в семье уют, застой?
Под ряской пледа и с газетой
Мы коротаем вечера.
Ложимся спать, устав от света, —
Всё то же было и вчера.
И вдруг лучом пронзило солнце:
«Эй! Открывай скорей оконце!
Вставай с дивана, петушок!
Рука любви взвела курок!»

Гуляет под окном лиса,
Мужскую карауля долю,
Чтоб утащить её в леса —
Испить до дна злодейку волю.

И наш наивный петушок
Приподнимает гребешок.
Увы, не ценится синица,
Когда метёт хвостом лисица...

2008 z.

Нетопырь

Волна резвится чудным и ласковым щенком,
Босые лижет ноги прохладным языком.
Играет солнце в жмурки и ищет облака,
А ты сидишь на камне, озябшая слегка.
Завидуешь русалкам, дельфинам и китам,
А сердце колет грустью – достали шум и гам.
Но ты же горожанка: тебе милей бульвар.
И наступивший вечер толкает жертву в бар.
Сидеть, улыбаться и курить в потолок.
Головой простужаться, ядовитый пить сок.
Горечь пьяных друзей и подруг кислота,
И морщинки впились в уголки глаз и рта...
Станет музыка в зале нещадно пуржить.
Будет полночь по нервам молоточками бить:
Чтоб они умирали, не мешали, не ныли,
Чтобы в лунную ночь, как собаки, не выли.
В душе сквозь окурки чернеет зола.
Где-то там, в закоулках, висит колокол зла.
И набат оглушает до боли сознание.
В голове лишь одно – ледяное желанье...
С кем? К кому? До утра? – Это всё пустяки.
Пока телом бодра, от себя не беги.
Не излечишь души в недостроенном храме.

Не опишешь грехи, как в письме, в телеграмме.

Она не смогла разглядеть пустоту,
И та разлилась отголосками ада.
Судьбу застудила, как нерв, на ветру
И стала одной из частиц звездопада.

Попала в невесомость, висишь меж двух миров,
Вдыхая каждодневно душок чужих дворов.
Не вырваться, не скрыться, – вернёшься в ад сама.
И вновь её ласкает ночная кутерьма...

Не радуют рассветы, и раздражает день.
И ищешь ты в тревоге спасительную тень.
Перетерпевши, смоешь асфальтовый загар,
И в сердце вора вступишь – ночной хмельной угар.
Опять такси, дорога, знакомые, дела.
Бывает, отпускает, но лишь едва-едва...
Летаешь, а не птица, и всё поёшь, поёшь.
Нетопырю не спится, и, чтоб забыться, пьёшь...

2008 г.

Лисица луна

Когда луны висит магнит, не удержать нас дома.
Тебя одолевает приятная истома.
Ночные автострады, желтушность фонарей.
И всё напоминает лишь об одном – о ней.
А дома пахнут стены озоном и грозой,
Идут дожди косые сплошную полосой.
Пронзают сердце взгляды родных, любимых глаз
И увядают розы в садах китайских ваз.
Дыханья не хватает, спирает грудь покой,
И мы спешим на встречу с красивою бедой.
Ей отдаёмся в руки и забываем всё,
И копится в копилке привычное враньё.
Её глаза в табачном дыме,
Чуть с поволокой, с холодком,
Как пальмы в сумрачном Надыме,
Идут по жизни босиком.
И яд любви в глотках вина
Нас отрешает от семьи.
Она всегда слегка пьяна –
Поют ей песни соловьи.
Но из садов любовных грёз
Мы возвращаемся домой –
Под молнии словесных гроз,

Как напавший домовый.
Чем дальше в лес, тем гуще кроны
И меньше виден сквозь них свет.
Любви закончились талоны,
Виска коснулся пистолет.

2008 г.

Глубина

Изведав глубину любви,
Устало ищешь мелководье:
Весь в ранах, в синяках, в крови
И растеряв свои угодья.
Умеют женщины травить
Умы мужские горьким ядом
И словом хлестким желчно бить,
И сделать жизнь крошечным адом.
Скулят израненных сердца
И требуют леченья и покоя,
Тревожа стопами Творца
И гулом пойманного роя.
Он улыбается в ответ,
Седой качая головой:
«Без мрака не оценишь свет,
А добрую – без злой...»

2008 г.

Осколки

Разлетаясь на осколки,
Не порань того, кто рядом
И своим душевным ядом
Лучше с полночью делись.
Танцуя вальс, ламбаду, танго,
Кружим мы головы себе.
Растёт на сердце нашем ранка,
Как паутина на кресте.
Луна – ледышками в глазах,
Ведь свет её промёрз Вселенной.
Глянь, седина уж в волосах,
Как чуб волны: кипучей, пенной.
Бокал сереет на столе.
И стали крепостными стены.
Чу! Кто-то стонет во дворе,
Наткнувшись на кинжал измены.
По хрупкому стеклу скользят бессильно руки.
Рассеян, болен взгляд, бездумен и устал.
И тихо тень бредёт обиды и разлуки:
Последний лист любви сорвался и опал.
За занавешенным окном
Соткалась ночь чудным ковром.
Он расстелился над полями,

Прикрывши горизонт краями.
Чудишь, смеёшься, пьёшь вино,
Как будто вправду всё равно,
Куда и с кем лететь и петь...
Когда душа желает плетъ,
То боль бывает сладостной
Под миной кисло-радостной.
Лишь в предрассветной тишине
Окно закрытое толкнёшь
И тихо в комнату впорхнёшь,
И защебечешь, запоёшь...
Забрезжит скоро новый день.
Зевает за спиною тень.
Ты прикорнёшь в немой мольбе,
Как путник, едущий в арбе.
Остынешь влагой простыней
В постели ночи и теней.
Ты попытаешься уснуть...
Но нет, себя не обмануть.
Вот-вот заря коснётся губ –
Рассвет с романтиками груб.
День приглушает сладость, боль
И дарит маску подчиненья.
И рассыпает всюду соль
И пересохшие поленья.
Но мы, на солнце отдохнув,

С закатом входим вновь в пике.
И выдувает стеклодув
Шары в тревоге и тоске.
Они о камни разобьются
И разлетятся на осколки.
И крови жертвенной напьются
Кариатиды, словно волки.

Эх, жизнь висит на волоске...
Как замки на морском песке,
Она хрупка и беззащитна,
Но горьких слёз её не видно.
Мы проливаем их внутри,
Укрывшись в сумраке квартиры.
Мгновенье счастья, погоди!
Не забирай ума и силы!
За шумным днём приходит ночь
И прогоняет разум прочь.
Когда луна как шар большой,
Ты хочешь быть самим собой...

2008 г.

Дорога в облака

Петляет, стелется дорога.
С покоем топким не мирись.
Улыбка – поцелуй от Бога,
И ты делиться ею не ленись.
Идут года, и страсти истончат
Копну волос и седину вплетут.
Подарят солнце и колючий град,
Надежду и свистящий прут.
Обиды, страхи, расставанья,
Счастливых дней хрустальный звон –
Зовут ночами на свиданье
И проникают гостем в сон.
Да, куролесит мир вокруг,
А мы себя не замечаем.
Заходим в тёмный, мрачный круг,
И он порою нескончаем.
Ты отвлекись, взгляни издалека.
Не стоит пропадать на карусели.
Себе скажи: мне плохо, но – пока...
Уйдут весной февральские метели.
Пойми, зайти за облака
И вынуть солнце из кармана тучи
Нельзя, когда дрожит рука

И ты обходишь стороною кручи.
Стоит перед тобой гора:
Сурова, призрачна, крута.
Она видна из всякого двора,
Где мошкаррой роится суета.
Она твоя. С небесной высоты
Ты ощутишь всю выгоду полёта.
Как много в людях серой пустоты,
Но есть в них и от Бога что-то...

2008 г.

Тоскливо

На улице туман, дождливо.
С утра и грустно, и тоскливо.
Сидишь печально у окна.
И кажется – совсем одна.
Одолевают неудачи
И вечных дел круговорот.
Тебе бы счастья, пусть на сдачу,
Поменьше тягостных хлопот.
Мы жизни путь не выбираем,
Лишь соглашаемся идти.
И каждый год перемеряем
Остатки своего пути.
Но дождь пройдёт, пригреет солнце,
И станет вновь светло вокруг.
И паутина на оконце
Завертит свой гончарный круг...

2008 г.

Покой

Караулит душу время,
Нам подтачивая стремя.
И всё чаще – не верхом,
А с удобствами – возком.
Всё короче наши стрижки:
Играет седина в картишки.
И пугает тишина,
Звон в ушах: один, одна...
Руки тянутся к альбому:
Снимки разбрелись по дому.
Давно забытые дела
Дура память родила.
Лучше б сделала аборт:
Мы кривим устало рот.
Вспоминать порой приятно:
Всё – по полочкам, понятно.
Только грустно и смешно:
Время – лучшее вино.
Оно выдерживает факты,
Глядит на них сквозь призму лет.
Всё помнит: с совестью контракты
И доброты неяркий свет.
И от него не убежать:

Впилося когтями и зубами.
И бесполезно Бога звать:
Мы от него сбежали сами.
А если рано на покой?
Пошли к чертям свою перину!
Люби доярку, балерину!
Ведь скука хуже, чем запой.

2008 г.

Зов прошлого

Ты отвлекись хоть на минутку,
Оставь заботы перед сном.
Тебе принёс я незабудку:
Давай польём цветок вином.

Не нужно мне тепла и света,
Не надо холода и тьмы.
Не нужно помощи, совета,
Не надо воли и тюрьмы.

Забрось бельё, шитьё, посуду
И любованье двором.
И целовать я плечи буду.
Прерви дела! Откликнись, дом!..

Гудки глухие телефона,
Как разведённые мосты,
И оба мы, увы, не дома.
И снова в трубке: ты... ты... ты...

Остров потерянный не отыскать,
Не научившись, как птица, летать.
Ветер осенний нагнал облака,

Может быть, поздно? Немеет рука...

Надо б проститься, порвать парус в клочья.
Нужно уйти, чтоб вернуться опять.
Мчит меня старенький красный «Икарус».
Ветер – в окно, и не хочется спать.

Дни пролетают, что голубь почтовый.
Мысли, как кони, увязли в стерне.
Знаю, сюжет этой пьесы неновый,
Даже финал мне известен вполне.

Мимо – поля, и белеют берёзы.
Дремлет попутчик с седой головой.
Дождь вдруг размазал недетские слёзы,
Тянется, виснет сплошной полосой.

Я всё молчу: у меня это с детства.
Просто молчу – ни к чему разговор.
Гулко стучит в голове – нет, не сердце –
Щёлкает сухо замочный затвор.

Катит по лужам автобус устало.
Серыми стали от грязи бока.
Было ведь счастье, да, видно, пропало.
Только вот где? Не видать мне пока...

Мокрый асфальт, не хватает лишь стужи.
Мокрый асфальт, на душе гололёд.
И одиночество птицею кружит,
Словно не в силах прервать свой полёт.

Где-то за горками матушка Волга
Гонит по глади своей облака.
А над лугами, как пьяный с пригорка,
Змейкой ползёт кисея молока.

Мы подъезжаем, теперь уж недолго.
Тянутся к сердцу родные места.
Мне не сидится, я ёрзаю – колко.
Будто меня только сняли с креста.

Выйду на станции. Город простужен:
Криками галок, людской суетой.
И, как и прежде, ему я не нужен.
Просится тщетно душа на постой.

Сяду в «Газель» – здесь одно направление.
Выйду у озера, вспомню те дни, –
Дни, что вводили меня в заблужденье
Тем, что на свете с тобой мы одни.

Ёкнуло сердце – далёким рассветом:
Ряска зелёная, маленький пруд.
Что-то заставило вспомнить об этом.
Годы, как кони, несутся, бегут.

Листья пожухлые мимо – позёмкой.
Грусть моя ноет, хоть с виду легка.
Память завязана тонкой тесёмкой:
Тянется к ней незаметно рука.

Ливень любви незабытой не смоем.
Мимо – в церквях – проплывают века.
Мне кто-то двери в ту осень откроет.
Только вот кто? Я не знаю пока...

С ветром промозглым бреду в неизвестность.
Мокну, хирею на нити звонка.
Что же, родная, спасибо за честность:
В трубке всё то же, опять: та... та... та...

Старый подъезд, всё знакомо до крика.
Стены в рисунках, брюнет потолок.
Но от любви не осталось и блика.
Зря я себя с конца света волок.

Вышел на воздух, вдохнул полной грудью,

Руки подставил под струи дождя.
Трудно бороться с заманчивой дурью,
Не постучать, не сказать: «Вот и я...»

Снова автобус, предместья столицы,
Аэропорт – весь в тревожных огнях.
Что-то на родине мне не сидится:
Сердце оставил в далёких морях.

Здесь, как вчера, самолёты взлетают,
С рёвом уносятся в путь, в темноту.
А над Камчаткой тихонечко тают
Звёзды ночные, озябнув к утру.

Вот уже трап и знакомые лица.
Привкус Москвы – хлороформом во рту.
Дай позвоню: как тебе одной спится?
Жду. И ответом опять: ту... ту... ту...

Вдруг на излёте последней секунды –
Я был готов отключить телефон –
Голос раздался вдруг ласково-судный:
«Здравствуй... Ты где?... разбудил... самый сон...»

Быстро растает гирляндой прощальной
Мама земля, упорхнёт под крыло.

Буду дремать я с улыбкой печальной:
Снова меня мимо грёз пронесло...

Снова назад – в грозное волнение.
Снова скандалы, метели, зима...
Так отчего же на сердце томленье?
Просто опять ты сказала мне: «Да...»

2008 г.

Омут

Взлетела птица и упала –
Вслед за осколками души.
Стрела молвы ей в грудь попала
И сбила с дерзкой высоты...
Её избранник статен, сед,
Как волнорез, от многих бед.
Где познакомились, не помнит.
Вокруг неё всегда аншлаг.
Волна друзей к ней новых гонит,
А старых поглощает мрак.
Летает хмеля дочь, порока:
Гнездо давно уж позади.
И мама, старая сорока,
Всё шепчет на ухо: «Роди...»
А ты рожала кольца дыма
В пропахший водкой потолок.
И думала: почти пропала,
Коль мужем стал злосчастный рок.
С годами свыклась, очерствела
И в мыслях тусклых огрубела.
Рукой махнувши на поступки,
В сердца вонзала ногти, зубки.
Он появился вспышкой белой,

И с ним – пахучие цветы.
А ей как раз всё надоело:
Нырjala в омут, жгла мосты.
Не жизнь пошла – соткалась сказка.
И за спиной заткнули рты.
А он легонечко указкой
Ей отсекал грехи – хвосты.
Устав, подстреленною птицей
Сорвалась вниз с высоких гор
И перестала быть царицей:
Пророс внутри людской укор.
Упала в бар и, как в тумане
И каменя от тоски,
Пила спасительное зелье,
Шепча бесцветно: «Помоги...»
И было горькое похмелье,
И бледнота, и синяки.
И чьё-то крохотное семя
Пробралось в устье реки.
Потом – аборт, зима, запои,
Сожитель, ласки, мат, побои.
И лиц из мрака кутерьма:
Она впустила их сама.
У этой драмы нет финала:
Трясина не имеет дна.
Куда-то птица та пропала,

И снова, видно, не одна...

2008 г.

Надежда

Старый сервант – в нём набор статуэток,
Ваза с печеньем и горкой конфет.
Пыльная люстра и беж занавесок.
А на диване – знакомый брюнет.
Трогает душу дыхание мужское.
Дремлет надежда, как сторож в углу.
Чувство в груди родилось воровское:
Как бы наслать на соперницу мглу?

В сердце измученном скрипка играет.
Лебедю белой хозяйка плывёт.
Кашляет гость – и хозяйюшка тает.
Взгляд перехватит – и кофе прольёт.
В кои-то веки красавец усатый
В гости пришёл и принёс с собой торт.
Гложет сознание инстинкт распроклятый,
И не пугают ни СПИД, ни аборт.

Юркая баба да жизнь ледяная:
Не замерзает лишь слёз кипятков.
Тихо из спальни глазёнки таращит
С кем-то прижитый мышонок – сынок.
А на столе – огурцы и картошка.

Гость коньяка молчаливо нальёт.
Смотрит хозяйюшка ласковой кошкой,
Как нерасчётливо гостюшка пьёт.
Грустно темнеют вечерние окна.
Скрип тормозов равнодушный такси.
И диалог: «Я как птица свободна...» —
«Некогда мне... извини... не проси...»
Белая скатерть, как снежное поле.
Сын доедает подаренный торт.
А на душе — леденящее море.
Рано покинул корабль её порт.
Стужа сковала ранимое сердце.
Слёзы, как пламя, сжигают глаза.
В ком понимание искать? В иноверце?
Вряд ли судьба ей подарит туза.
Птицей взвилась и отшлёпала сына.
Спать уложила. Игрушки — под бок.
А в голове ноет болью волынка.
Как же обиден моральный пинок...
Тикают возрастом хмурые сутки...
Лучше стареть на заре, по утрам.
В вазе завяли цветы незабудки.
Мудрость, увы, не дана вечерам...
Женщина-сказка хрупка и воздушна,
Женщина-повесть сильна и вольна.
Женщина-сказка мила и послушна,

Женщина-повесть повсюду одна.

2008 г.

Подумай

Напрасно грешная земля
На небо смотрит покаянно
И молит Бога постоянно,
Чтоб пощадил он род людской.
Да, жизнь любого человека
Пылинка на просторах века.
А он гадает: жить – не жить.
Плыть к берегам или не плыть.
Когда истерзана душа,
Идёшь по лезвию ножа.
И стуку сердца ты не рад,
Готов шагнуть отвесно в ад.

Вставая в церкви на колени,
Глядишь сквозь слёзы на алтарь.
И видишь смысл в скорейшем тлене,
И разрываешь календарь.
Ты сводишь счёты. Только с кем?
Лишь Богу то известно.
И кажется – всё честно.
Одно не ясно – перед кем?
Зачем же звать до срока смерть?
Она сама придёт однажды.

Ещё успеешь умереть.
Жизнь не даётся дважды.
Представь, что умер, брось дела.
Уйди из дома и с работы.
Душе не выйти из угла,
Пока вокруг грохочут доты.
Преставься с правом воскрешения.
Не закрывай со стуком дверь.
Припомни взлёты и падения,
Минуты счастья, боль потерь.
Послушай музыку природы.
Сбеги на хутор, в монастырь.
И проводи там дни и годы.
Покой – душевный нашатырь.
И, переставши быть на мушке,
Воскреснешь тихо сам собой.
И снова квакают лягушки,
И любишь сердцем род людской...

2008 г.

Цветы

Подарил я девушке цветы.
Она ответила улыбкой.
Начиналось всё так хорошо.
Оказалось роковой ошибкой.
Я цветы те помню, не забыл.
Только вот улыбка – тень скандала.
Ты загубила столько моих сил
И сама в руках моих завяла.

2008 г.

Стрелы Амура

Озябшее, продрогшее стекло.
И дождь – крупой по гулкой крыше.
Он зарядил давным-давно
И делает нас ближе.
Мы у ослепшего окна:
Всё расплылось в изгибах струй.
Сегодня ты опять одна.
И я один. Дуй, ветер, дуй...
От дров сухих тепло, светло.
Камин наполнен треском, трелью.
И даже странно: всё равно,
Закончится ли дождь постелью.
Затянут плотно горизонт,
Не оставляющий лазеек.
Давно припрятан ловко зонт
За клетку спящих канареек.
Сию в горячечном пылу,
Гляжу на завитки волос.
И отсвет пламени в углу
В мои желания пророс.
Всё ближе сладостные губы:
Сближают дождь и темнота.
Играют чувственные трубы,

Царит нагая немота.
Мы взгляды отведём с рассветом
И будем делать вид, что спали.
Ведь тучи спутники печали:
И в холода, и жарким летом.
Я задержусь у косяка,
Вспугнувши мир скрипучей дверью.
Хочу услышать: «Жду звонка.
Пока! Запри за мною келью».

Нет, не страшны сейчас соседи –
Слежу безмолвно за тобой.
В какой уедешь ты карете?
Кто для тебя любимый – свой?
Твои глаза полны тумана.
Речной игривою водой
Ты уплываешь от обмана.
Заболеваю я тобой...
А ты стоишь уставшей львицей:
Окольцевала синь глаза.
И не решаешься проститься:
В душе измученной – слеза.

Пахнуло злостью и лекарством:
Старушка высунула нос.
Со скрытым подленьким коварством

Представилась царицей ос.
Дверь приоткрыла и глядит –
Соседкой строгой и моральной –
Скрутил душевный дефицит,
И интерес её банальный.
Ты подтолкнула меня взглядом,
Вложив в него и «да» и «нет».
Мы целый дождь лежали рядом:
Промок, простужен твой ответ.
Ушла... Зевает тишина.
Стою, как столб, кривясь губами.
Была ты та или не та –
Гадаю, поведя плечами.
Спускаюсь вниз. Смотрю на стёкла.
Ищу в них призрачный ответ.
Но правда, как и ложь, промокла.
Кричу во тьму: «Прощай?!... Привет?!...»
Кто мне она? Судьба? Проклятье?
Пустая трата бытия?
И что могу ей пожелать я,
Заполучив в круги ворья?
Украл её, как Маргариту.
Увёл из стойла, как цыган.
Чу! Где-то дьявольскую свиту
Дырявит серебром наган.
И я пошёл – простоволосый,

С душой нагою и босой.
Сырой асфальт, ларёк раскосый,
Берёзы с мокрою листвою.

А голове разгульный ветер
Развеял мысли и слова.
И горизонт сегодня светел,
В камине вместо дров – зола.
Я удалялся – дальше, дальше...
И светлый образ потемнел.
А через день он растворился
Среди больших и малых дел.
Такие встречи нас тревожат.
Раздумья дарят, маюту.
Нас всех в могилы годы сложат,
Похоронив навек мечту.
И я гляжу на них сквозь время,
Плняясь красотою лиц.
Всё реже ставлю ногу в стремя –
Ценю прикормленных синиц.

2008 г.

За горизонт

Засинел небосвод, опечалил рассветом.
И мокрые ветви пригнулись к земле.
Деревья, тоскуя – все под руку с ветром –
Вальсируя, плачут дождём по смоле.
Озябшие птицы, капель вместо песен.
Полёгшие травы – изгибом бровей.
Дремотный туман – непригляден и тесен –
Висит кисеёй, и не видно полей.
Загадывать рано, решать уже поздно.
Мы солнце проспали, уйдя в облака.
А там, в белизне, хоть светло, но морозно,
И трудно дышать: навалилась тоска.
Спикировать вниз? Это нам не под силу.
Ведь пух облаков как сильнейший магнит.
Бездумьем своим вырываем могилу,
Где каждый мечты свои в тальке хранит.
И будет закат – полосой горизонта.
И кончится дождь, пелена пропадёт.
И тихая ночь молча выплечет звёзды.
Вот только покой с темнотой не придёт.
И буду вертеться, и комкать подушку,
И пол подметать, как всегда, простынёй.
А память, спасая, мне явит подружку,

Да только вот сердце прикрылось бронёй.
Отпустит под утро – с рассветным затишьем.
И шёпот реки мне расскажет о том,
Что если подруга во сне тебе пишет,
То, значит, расстался ты с ней с холодком.
Но жизнь не списать, не начать всё сначала,
Не выкинуть в урну, как старый журнал.
Бежишь в океан от родного причала?
Он стал для тебя неудобен и мал.

2008 г.

На языке

Что у женщины, как снег, с языка слетает,
У мужчины в голове перемётом станет.
И лежит тот перемёт поперёк дороги,
И ломают об него мужики все ноги.
Тот сугроб теплом души растопить возможно.
Правда, чувства утопить в той воде несложно.
Закрывайте, мужики, свои уши-двери,
Когда женщина близка к умственной метели.

2008 г.

Девчонка

Росточка невысокого, с короткими ногами,
Идёт толстушка скромная, спешит за тумачами.
В руках сереет сумка, на голове – шапчонка.
Да чёлочка отросшая – похожа на зайчонка.
Идёт не улыбается – ей не впервой слоняться.
Захочешь познакомиться – не будет упираться.
Идёт одна, стесняется, как юная сосёнка, –
Дешёвая китайская на девушке юбчонка.
По городу проносятся красивые подруги,
И кто-то им целует ухоженные руки.
Нет, рядышком не скрипнут призывно тормоза,
Напрасно проглядела в мир сказочный глаза.
Как прежде, нецелована, не мята мужиками.
И туфельки ободраны с большими каблуками.
«Не время, всё наладится, – ей мама говорит. –
Избранник твой единственный
Под вербой крепко спит».
А ты натёрла ноженьки, но ищешь приключений.
И ночь полна таинственных пьянящих сновидений.
Не клятая не мятая, забытая парнями,
Под вечер возвращаешься тоскливыми дворами.
Поникшая, как ветка под натиском жары.
А мимо – свадьбы, свадьбы, и куклы, и шары...

Неглупая и сильная, и добрая душа.
При тусклом лунном свете – мила и хороша.
И знаешь себе цену – другим не говоришь.
Возьмёшь и – одиноко, лишь для себя – родишь.
Хмельные доброхоты красавиц всё корят,
Да что-то на дурнушках жениться не спешат.

Наверно, созревают и добывают власть.
В постели симпатичных приятнее им класть.
Фабричная девчонка: нежна, добра, тиха.
Ну где найти ей в городе простого жениха?
А ты читаешь книжки и с мамой говоришь.
Заметив чьи-то взгляды, ворочаясь, не спишь.
Романы, детективы и поздний сериал.
В мечтах шумит бразильский весёлый карнавал.
Предписано судьбою ей у окна сидеть.
А ведь могла бы девка полгорода согреть.
Все выплаканы слёзы, размазана помада.
Не посылает небо ни ангела, ни гада...

2008 г.

Равновесие

Без равновесья нет любви,
А отклоненье – это страсть.
Она змеёю в сердце – шась.
И жди беды – готовься пасть
В бою с жестокою судьбой.
Ведь яд змеиный бороной
Пропашет твоё сердце вдоль
И причинит одну лишь боль.

2009 г.

Окоп

Супруга «дружит» у соседки.
Щебечет воробей на ветке.
Я ж окопался в огороде.
Эх, ноют кости к непогоде...
Мне б пулемёт, патронов пачку
Да две гранаты помощней.
Взорвал бы тёще «водокачку»,
Ну а жене «сварил бы щей».
Боюсь, с лопатою не сдюжу.
Сижу, тихонечко ворчу.
Легко накликать в хату стужу,
И я униженно молчу.

2009 г.

Серая мышка

Кто с красивой фигурой,
Процветает даже дурой.
А уделом серой мышки
Остаётся чтение книжки.
Где же в мире справедливость?
Верховодит всем смазливость.
Доверяют красоте.
Её и холят, и лелеют.
А неказистые «не те»,
Как угли, одиноко тлеют.
Некрасивые подруги,
Не терпя такие муки,
Продвигаются по службе,
Ставя крест на женской дружбе.
Таковая если есть,
Жертв её ничем не счесть.

2009 г.

Осенняя грусть

Холодает в полях,
Облетают берёзы,
А с холодных небес
Льются струями слёзы.
Туч нависших свинец
Травит скучною прозой,
И занудливый чтец
Впился в сердце занозой.
Кто обидел тебя?
Что ты плачешь, природа?
Это прихоть твоя
Или странная мода?
Отсырела земля
И лежит, как нагая,
И конец октября
Ветром воеет, страдая.
На вулканах снега
Опускаются ниже,
И пора доставать
С полки старые лыжи...

2009 г.

Снова в путь

И снова в путь –
Зимой, весной...
Огни, витрины, магазины
Её пленяют красотой,
Как злого варвара – руины.
Одежда, обувь, безделушки...
Осталась лишь душа босой.
Ей не досталось и полушки –
Умылась утреней росой.
Девчонкой юной, несмышлёной
Хлебнула рано жизнь сполна.
И всё, что связано со школой,
Враз смысла взрослости волна.

Не утопила, пощадив,
В глаза швырнув песка пригоршню:
Не разглядеть лесов и нив,
А только двигаться как поршню.
И вечный двигатель прогресса –
Бегущий к смерти человек –
Тихонько пискнет из-под пресса
И успокоится навек.
Забрало время её душу.

Изъела дьявольская месть.

Да я и сам порою трушу

Взглянуть в глаза и рядом сесть...

2009 г.

Вера

Хлопья летят, заметая дороги,
Снегом зима убеляет дворы.
Вера с Надеждой живут на пороге.
Кутаясь зябко, глядят на костры.
Разум даётся для счастья и горя.
Нас он ведёт – созидая, круша.
Сердцу нужна безграничная воля.
Платит по счёту служанка – душа.
Трудно идти по дороге соблазна.
Всюду горят преисподней костры.
Молиться в дыму бесполезно, напрасно:
Когти чертей и длинны, и остры.
Много практичных, да мало надёжных.
Слаб человек, непригляден и плох.
Много трактиров в судьбе придорожных:
Всевышний от наших скандалов оглох.

Как пули свистят отлетевшие души.
Несутся во тьму, рикошетят, скулят.
Живые упрямо грядущее рушат:
Умы продувные, как зуб, не болят...

Одинокая любовь

Я умер этой ночью от ледяной тоски.
Твоё имя шептал. Бесконечно склонял.
Боль стучится, как дятел, в седые виски.
Между мной и тобой – непроглядный провал.

Лёд остывшей постели. Тебя не обнять...
Не понять, не простить, не забыть...
Тот, кто реку пускает ревущую вспять,
Будет долго бессмысленно плыть.

Одиноко лежать и смотреть в потолок.
А за окнами звёзды целуются тихо.
Стон в душе словно вой. Он ещё не умолк.
Разрывает меня, как тишь ночи шутиха.

Как тебе показать, как тебе доказать,
Что тебя я люблю, что другой мне не надо?
Без тебя... не умру... буду думать и спать...
Одиночество – божья награда.

Я ищу среди звёзд очертания рая.
Точит острый стилет Маргарита нагая.
Колет, рвёт пустоту свет далёких планет.

И встречая рассвет, прошепчу: любви нет...

Есть терзання в ночи и глухая тоска.

Есть сердечная боль: бесконечна, резка.

Я сижу у окна одинокой свечой,

И искрится луна золотистой парчой.

На усталом лице тень увядшей улыбки.

Я прощаю себя за грехи и ошибки...

Пролетят, прошумят быстrokрылые годы.

Я вспомню тебя, твой залиvistый смех.

Побелят обоих белила-невзгоды,

Покой восхваляя как лучший успех.

Спешат по дорогам куда-то машины.

В них люди несутся навстречу судьбе.

Их манят чужие нагие вершины,

Собой заслоня Христа на кресте.

2009 г.

Я такая

Сбежав из плена на простор,
Зарою прошлое в могиле.
Его топор тяжёл, остёр –
Кроит судьбу в заплечном стиле.
От слов кружится голова.
Одной не вынести пути.
Мне в темя метит булава
И заставляет жить, идти.
Взмах головой – копна волос
Решила за меня задачу.
Я убегу в горнило гроз!
Слёз больше нет. Смеюсь. Не плачу.
Быть сильной – скучная работа.
В углу скребётся помело.
Судьбу рванув за номер лота,
На стужу вылила тепло.

В ближайшем баре пела песни,
Пила текилу и коньяк.
И с флагом плакала на Пресне,
И жгла на ней лиловый фрак.
Осталась прежней, став другой.
Молчат ошибки за спиной.

Врагам прощаю кровь и боль.
Друзьям – предательств грязь и соль.

Хочу идти дорогой вольной
В вечернем платье и с цветами:
Весёлой, умной и достойной,
Как перед божьими вратами.

Из лап квартирной липкой духоты –
На улицу, укрытую зонтами,
Где мочит дождь натруженные рты,
Истерзанные бранными словами.

Устала быть любимой стервой:
Фартовой, ироничной, первой.
Мне надоел порочный круг:
Ушла босой на мокрый луг.

Я центр вселенной, мироздания!
К чему наивные старанья
Меня, как птицу, приручить?
Летать свободно – значит жить!
И я живу, дышу, страдаю...
Любовь впущу и – прогоняю.
Всё проживаю до минуты:
Мне время дарит звон валюты.

Вокруг меня всегда подруги,
Веселье, песни и вино.
Ночами выплаканы муки,
А горе выпито давно.
В дыму табачном воспитала
Я гордость девичью свою.
И, словно птица полевая,
В неволе вряд ли запою.
Как сладко щебетать в уюте,
Теплом разлившимся в судьбе!
Переболев в сырой каюте,
Быть может, позвоню тебе...
Поднимешь трубку, и слова
Согреют ледяные руки.
И закружится голова,
И разлетятся льдинки скуки.
Но сколько причиняют боли —
Как бритвой по немой мольбе —
Твои словесные мозоли,
Твоё извечное: «Ты где?»
И дух мой светлый сатанеет,
Улыбка вянет и бледнеет.
И снова всё идёт по кругу:
Впрягаю я в любовь разлуку...

Параллельные миры

Постой, не покидай меня.
Прости, не думай о разлуке.
Переплетутся наши руки,
И время мне вернёт тебя.
Я помню наш весёлый смех.
И наше маленькое счастье
Убережём мы от ненастья
В конце многострадальных вех.
Расправим крылья, воспарим
В пучину плотских наслаждений.
И горький опыт сожалений
В костре любви дотла спалим.
Ты для меня небесный свет,
И по ночам мне часто снишься.
Да, уходя, нередко злишься,
Но вновь приходишь, как рассвет.
Мы параллельные миры,
И оба ищем перекрёстки.
Играем с жизнью, как в напёрстки,
Сжигая повести листы.
Соскучившись, ласкаемся до дрожи.
Глядим в глаза, смеёмся и поём.
А в окнах – отвратительные рожи.

Нам не остаться среди них вдвоём.
Они всегда преследуют упрямо.
От них страдают даже дураки.
Всех поджидает обстоятельств яма.
И мы у них до гроба батраки.
Так уж устроен человек.
И жизнь полна дурных мгновений.
Всё реже слышен его смех
В стенах величья и свершений.
Нам от себя не убежать,
Не избежать пучины страсти.
И стонет человечья рать
Пред зевом её вечной власти.
Живёт в нас прежняя любовь.
Себе, пожалуйста, не лги.
Не выгибай привычно бровь.
Мы только днём с тобой враги.
Ты улыбнись издалика.
А хочешь... подойди поближе.
Знай, я и так всем телом слышу,
Как быются в унисон сердца.
Ты, уходя, не стал далёким.
Ты просто сделал одиноким
Сердечко девичье моё.
Вернись, молю, оно – твоё.
Другого счастья мне не надо.

Оно из продувных дворов.
Твой взгляд – сладчайшая награда.
И лучше всяких нежных слов.
Я вспоминаю в тишине,
Как мы летали в дни ненастья,
Сплетались в знойной вышине
И окунались в омут счастья.
И я всегда безмерно рада
Дарить тебе тепло и ласку.
Пусть тихий шелест листопада
Вернёт любовь в былую сказку.

2009 г.

Кислинка

А на столе грустит букет –
Чужой, с кислинкой волоокой.
А слёзы высохли – их нет.
Но есть тоска – травой высокой.
Ты в ней бредёшь – по пояс муки –
Изрезаны осокой руки
И ноги в паутине лет.
Оставить бы мачете след
На поле из добра и ласки,
Но щурит солнце дымкой глазки,
В кусты припрятав пистолет.
Убиты юности мечты,
И зрелость ранена навывлет.
Наводит старость не мосты –
Тоску, что душу твою вынет
И понесёт через посты,
И в бездну преисподней кинет.
И, оторвавши взгляд от роз,
Смахнула пыль с «багажной» полки –
На ней давно побил мороз
Гербарий, где на глянце – волки.
От фотографий тех досада.
Как переросшая рассада,

Они цепляются к подолу,
Грозась рассыпаться по полу.
А лакированные рамки
Забыли запах бересты.
Бездушные скупые хамки,
Держащие любовь персты.
И улыбаются жестоко,
Как сажени гнилой версты:
Как хороша твоя дорога!
На деле же – одни кресты,

Стоящие вдоль русла жизни.
А зеркало твердит: «Не кисни...»
Сошла на пашню с круга лени,
Прошла на кухню – гимн плите.
И пала духом на колени –
Молилась истово еде.
И, поедая бутерброды,
Послала в Трускавец заботы,
Врагов, подружек и друзей,
Презревши шёпот: «Чай налей...»
Доев последнюю баранку,
Легла в холодную постель.
Вставать дурёхе спозаранку.
А на дворе опять метель...

Печаль

Печаль моя светла.
Эх, вылить бы чернила
На белый холст...
Сгорело всё дотла.
Темнеет ост...

Между веками связь осталась,
Как видно, от самих богов.
И преисподняя сверсталась
Из прежних сладостных грехов...
Брожу по закоулкам эхом,
Пиная камни, смысл ищу.
Устал быть просто человеком.
Ворчу, скитаюсь и ропщу.
Цветными снами запятнал
Свои душевные потёмки.
Я нарываюсь на скандал –
Хожу-брожу по самой кромке.
Да, дважды в реку не войти
И дважды из неё не выйти.
Как путь свой правильный найти,
Не растеряв при этом прыти?
Живёт приманкой человек.

Ловец неведом, неизвестен.

Из нас он делает калек.

Но Бог пред нами в чём-то честен.

2009 г.

Романтики

О море! Скоро мы придём!
И укротим все ураганы!
И сто морей перемахнём,
Ведя к причалам караваны.
Преодолеем ветер и течения.
Разбудим бату Нептуна.
Сирен оценим злое пение
И вкус заморского вина.
Переболев, вернёмся в порт.
Врастём швартовыми концами
В свой продувной холодный норд.
Сойдём на берег – молодцами.
И – по домам, да с бубенцами.
Нас пощадил старик Нептун:
Колол седыми волосами
И волн на нас спускал табун.
И штилем – зеркалом богов,
Пытал, как узников в темнице.
Пластинкой надоевших слов
Измучил на своей деснице.
Презрев тоскливость берегов,
Глядятся в воду небожители,
Определяя ход веков

И срок пути земной обители.
В покое – тридцать шесть и шесть.
Погода тихо улыбается.
А буря – это божья месть.
Она нам помогает каяться.
Когда романтик на подводе
Штурмует горку в дождь косой,
Прагматик бродит в огороде,
И в сапогах, а не босой.

2009 г.

По заливным лугам тоски

Эх, бросила его жена...
Собрала вещи и – к другому.
Наверно, ветрена она,
Вот и погнал злой рок из дому.
Забился в угол – спал, курил.
Кромсал ножом нещадно розы.
То затихал, как крокодил,
Прозя наслать на Землю грозы.
Бродил ночами одиноко
По заливным лугам тоски.
Эх, память стала однобока –
Забыл купить себе носки.

А что было первопутком,
Помнит, хоть забыть пора, –
Как махал рукой попуткам,
Коротая вечера.
Даже водка опостыла:
Стала в горле, словно ком.
Хмелем память не убило:
Все потери в ней рядком.
Выпил с горя полбутылки
Да расстроенный прилёг.

И горел любовью пылкой
Сигаретный огонёк.
А под диваном спят окурки –
С альбомами играют в жмурки.

В них счастья миг запечатлён,
Да жаль, истлел, похоже, он.
Смотрит время с тех страниц
И поминает добрым словом
Красивых стройных «проводниц»
С простым характером весёлым,
Что принесут в жару воды,
А в холода согреют телом.
Они сочувствием мудры
И всё доказывают делом.
Кружили головы блудницы
И старикам и молодым.
Напрасно мы галдим, как птицы:
«Мы сей порок искореним!»
Встал с дивана...
Эх, судьба!
Тебе неведома нирвана.
Везде страдает голытьба
Под дулом меткого нагана.
В затылок целится злой рок.
Не дрогнет у него рука.

Взвёл беспощадности курок
И взглядом ищет дурака.
Приснится же такое в тишине...
Хмельная истина дурачилась в вине:
То кривая морда с салом,
То подруга в платье алом.
Подошёл в раздумьях к шкафу.
Поклонился, словно графу.
Два стакана – стол готов.
Не варить же на ночь плов...
Пригласить надумал Клару,
По-простецкому – Гитару,
Что жила под ним с довеском,
Жизнь свою ломая с треском.
На ней играли все кому не лень.
Могли прийти и ночью, и под утро.
И на лице её испитом, словно тень,
Лежала дней суровых пудра.
Заглянул на антресоли:
Не заваялось ли где соли?
Но напрасно ныл и ахал,
Отыскав один лишь сахар.
Идти небритым в магазин?
Возле него и так хватает
Опухших, грязных образин;
И ветер в спины их пихает,

Гоня вдоль красочных витрин.
Обтёр руками кухонные полки.
Завыли в животе сурово волки.
Слоем пыли там – стабильность.
А зачем ему стерильность?
Жил как все. Без книг и спорта.
Во всём – извечный перекур.
Потоптал он на курортах
Одиноких тощих «кур».
Жаль, что рано поседел
И оказался не у дел.
Охромел, волочил ногу.
По ночам молился Богу.
А о чём, не понял сам.
То ли сердце заболело,
То ль былой замучил срам;
То ли гадить надоело,
То ль привлёк убранством храм.
Сторонился впадин, гор.
Трезвым посещал собор
И с упрямством старой гончей
Лаял на грехи всех звонче.
Подавал больным и бедным,
Вея дымом сигаретным.
От привычек не уйти.
Легче море перейти,

Поминая Моисея.

Чего ж теперь бодриться зря

В плену сурового борея?

Глянь, в глазах уж кисея.

Чахнет, мается Психея.

И, не найдя в квартире соли,

Он побледнел и занемог.

И скрючило его от боли.

Закат и тот, видать, продрог.

Свечой церковной догорая,

Он в пыль прилѐг в воротах рая.

Душа заныла тряпкой рваной,

Гулѐной брошенной, поганой.

И, бритву отыскавши в ванной,

Изобретал велосипед.

И речью тихою и странной

Клял надоевший белый свет.

А кровь водицей: кап-кап-кап...

И запах плыл еловых лап.

И он стонал: «Ну где же град,

Что посечѐт меня грехами

И изобьѐт, как камнепад,

Возьмѐт со всеми потрохами?»

Но не дождался и дождя.

Поджал слабеющие ноги.

Оглохли и ослепли боги,
В обитель дальнюю уйдя.
А кровь всё капала, текла:
Его накрыла смерти мгла...
Забылся сном потусторонним,
Всем став чужим и посторонним.

А за кладбищенской оградой
Всплакнула тихо лебеда.
И кто-то молвил вслух с досадой:
«Такая вот с людьми беда...
Да, стала смерть иным наградой
И репетицией Суда».
К чему я это рассказал?
Бог всех нас как-то наказал.

2009 г.

Джоконда – анаконда

Повернулась ко мне, а лица не видать –
Только тень и улыбка Джоконды.
Обратилась ко мне – слов её не понять,
А в зрачках чёрный лёд анаконды.
Втекла в меня, как сок, любовь.
Поддался, как мальчишка, страсти.
Вскипела и запела кровь.
Я у любви, как раб, во власти.
Как мне отделаться от дури?
Как привести в порядок сны?
Отлить серебряные пули?
Дождаться проводов весны?
Увязла левая нога,
А правая как циркуль ходит.
Скорей бы выюги и снега:
Они любовь на юг проводят.
И заживу, и запою,
И заиграю на гармошке.
И снова окажусь в строю –
В семейном лубяном лукошке.

2009 г.

Поссорилась с мужем жена

Поссорилась с мужем жена.
Разбила сгоряча тарелку.
И выпила, ворча, вина,
Переводя привычно стрелку.
И поезд по рельсам скандала
Отправился в дальнюю даль.
С улыбкой кривою вандала
Жена растирает миндаль.
А муж то стоял, то садился,
То быстро и гулко ходил.
Тихонько на дурочку злился
И нервно безбожно курил.
Пытаясь жену успокоить,
Сморкался, краснел и сопел.
Но рухнули с треском устои:
Под вечер медведем взревел.
Досталось родне и соседям,
Властям и порядку вещей,
Чужим и разболтанным детям
И богу любви и страстей.
Жена отошла понемногу,
Стравив накопившийся пар.
Отправила мужа в дорогу:

Купить ей целебный отвар.
И он улизнул к магазину.
Там, встав у дверей как во сне,
Он вспомнил другую Марину –
Спешащую к счастью, к весне.
Её ли лицо? Или маска?
Где ссор леденящий исток?
Когда превратилась вдруг Пасха
В крестовый поход на Восток?
Измучив ладонью затылок,
Побрёл с кислым видом домой.
За пазухой – пара бутылок.
Вот им он действительно свой.
Они не кричат, не скандалят,
Не знают ни мата, ни слёз.
И в кучу единую свалят
Былые картины из роз.
Он сел на скамейку и замер,
Послав в преисподнюю мир,
Пестрящий ячейками камер, –
Семейный унылый трактир.
Вокруг незаметно стемнело.
Висит одиноко луна.
Природа, уснув, онемела.
А тема всё та же – она...
Пристёгнуты мы к половинкам

Невидимым прочным ремнём.
К таким вот крикливым Маринкам.
Когда же навеки уснём?
Навалят тяжёлые камни.
Оградками нас обнесут.
Заставят стучать Богу в ставни:
Проситься на праведный суд.
Хоть в тесноте, да не в обиде.
Лежать приятно в тишине.
А Минотавры пусть на Крите
Сгорают в дьявольском огне.
Нам в детстве кажется, что мы
Не попадём в такие руки.
Мы прозорливы и умны,
И обойдём все эти муки.
Но, повзрослев, вдруг понимаем,
Что сели в старенький вагон,
Умом и сердцем принимая
Семейный маленький загон.
Судьбы неверное перо
Мелькает, словно помело.
И пишет равнодушно: брак.
Что за невежество?! Как так?!
Но то, что в зрелости достало,
В сопливом детстве родилось.
И, утирая пот устало,

Мечту хороним: не сбылось...

2009 г.

Тёщей по свекрови

Тёщей по свекрови водил
Господь до первой крови.
Но не сумел их обтесать,
И, хмуря деловито брови,
Махнул рукой: «Да и плевать!
Свекла сподвижница моркови,
А счастье отголосок боли.
И радость без тоски умрёт:
Меж ними – жизни фронт.
Сточи до основания зубы волку –
Он и без них добычу загрызёт.
Зачем искать в стогу иголку?
Пусть чей-то зад её найдёт...»

С тех пор несчастные овечки
По всем церквям скупают свечки.
И молятся, крестясь, на образа,
И, пряча от заступника глаза,
Пытают просьбами икону Иисуса,
Распятого когортой труса:
«Ну примири, Отец родной,
Эту крикливую породу,
Этот осиный злобный рой,

И окуни в святую воду!
Пусть друг друга опекают.
Поют, дурачатся, икают...»

2009 г.

Наша слабость – в нашей силе

Глянул на часы, смахнув осколки сна.

Одна луна красна.

Вот те раз! Бессонница –

Знатная любовница.

Вытянет все жилы,

Как деньги из кутилы.

Глянь, и так мужик седой,

Стоит одной ногой в могиле.

Уходит, словно в скит, в запой

От женской затяжной кадрили.

Наша слабость – в нашей силе.

Живём в григорианском стиле.

Затемняет нам сердца

Тень обручального кольца.

А на свадьбе так сияло!

Видно, расписаться мало.

Нужно, братцы, попотеть,

Чтобы зубья истереть.

Стал напильником...

Теперь живу с кипятивником.

Жара, хоть выноси святых...

Как тут останешься в живых?

Ищу рубильник...

Пока искал, пришёл светильник.

Тёща развела костёр:

«Уж больно ты, зятёк, хитёр!

Помучайся с моё...

Не заслужил ты забытьё...»

2009 г.

Гришка Отрепьев

Ах да ох...

«От мужиков столько блох

И ненужных подарков...

А вокруг красота,

Столько зелени, парков...»

Присмотрелась – увы,

Только тени повсюду:

Неприглядны, кривы,

Ждут тоскливо Иуду.

А он всё не идёт

В стан коварных врагов.

И не слышно его

Обречённых шагов...

Но кого ж мне позвать?

Кто сумеет прийти?

Дремлет тёмная рать

На запасном пути.

Где ж ты, Гришка Отрепьев?!

Самозванец лихой!

Приди ненадолго! Нарушь мой покой!

Сорви одеяло! И – на пол подушки!

И выпей вина из серебряной кружки!

Да, с мужиками как с детьми.
Драть надо было их плетями.
Возможно, стали бы людьми,
А не плотвой и карасями.
Притащат в дом чужое тело
И управляют неумело,
Устроив из семьи штрафбат.
Угомонись, седой комбат!
Но чу! В прихожей чья-то тень.
Ну что за препротивный день!
Мой суженый, воюя с ленью,
Опять наводит в грех мосты.

По телефону крутит-вертит

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.